

Алекс Мома

Христианские гностики – святые Телемитской церкви (Лекция в петербургском клубе «Парсифаль» от 12.08.2018 г.)

Как все вы, я полагаю, отлично знаете, Алистер Кроули написал для [Гностической католической церкви](#) (или Вселенской гностической церкви) свой [Канон Гностической мессы](#) (Liber XV) в 1913 году (впервые опубликована в 1918-м). При этом обращает на себя внимание тот факт, что при составлении списка святых ГКЦ в него попало непропорционально много христианских гностиков, которых я перечислю в хронологическом порядке: Симон Маг, Василид, Валентин, Вардесаний и Мани (в список также был включен ересиолог [Ипполит Римский](#) – как человек, устами которого в виде обширных цитат говорили гностики в его «Опровержении всех ересей», а вовсе не как один из церковных апологетов и борцов с христианской гетеродоксией, потому что в противном случае было бы логично включить в этот перечень не его, а Ириней Лионского или даже предшественника последнего, Иустина).

Сам Кроули, кажется, нигде и никогда не объяснял, откуда в его святцах появилось столько гностиков-христиан. Однако в Каноне Мессы упоминаются «прочие святые барды», которые так или иначе, вместе с перечисленными в Каноне поименно, «несли свет Гнозиса людям», что фактически означало данный им его последователям карт-бланш на то, чтобы включать в этот перечень всё новых конкретных персонажей, в том числе (почему бы и нет?) и еще больше христиан из ранних «еретиков». Здесь, конечно, следует иметь в виду, что телемитский гнозис, который проповедовал Кроули, не является, в отличие от христианского, дуалистическим, поэтому главным ключом к разгадке наличия в списке столь большого числа «еретиков» уж точно не будет тот факт, что сама Телемитская церковь как литургическое крыло ОТО также называется «гностической» – у пророка Нового Эона речь идет о совершенно ином Гнозисе, для которого носители всякого более раннего, отличного от него, «Гнозиса» были лишь, в основном, историческими предтечами, достойными всяческого изучения и иногда даже поклонения, но никак не прямыми идеологическими учителями.

Христианских гностиков могут считать таковыми учителями, скорее, не телемиты, но манихеи, [павликиане](#), [тондракиты](#), [богомилы](#), [катары](#), с куда большей натяжкой – некоторые малочисленные (здесь) течения эзотерического масонства, [мартинисты](#) и розенкрейцеры современной [«Школы Золотого Розенкрейца»](#). Не забудем, кстати, и о том факте, что в список святых ГКЦ был включен также Жерар Анкосс (Папюс), который и являлся одним из созидателей [новоевропейской Гностической церкви](#) как одной из носительниц т.н. «неклассического христианского гностицизма», возникшего на волне популяризации гностицизма классического (которая пошла еще в 1870-е годы, благодаря Елене Петровне Блаватской и ее «Разоблаченной Изиде», второй том которой просто «кишит» апологетикой гностицизма как «подлинного христианства»). Другое дело, что Кроули, разумеется, рассматривал Папюса в качестве святого своей ГКЦ не как современного [представителя гностической мысли](#), а как человека, внесшего огромный вклад в современную ему эзотерическую теорию и практику вообще.

Однако одним из ключей к разгадке наличия большого числа гностиков в кроулианских церковных святцах всё же, наверное, является именно название Телемитской церкви. Да, после многочисленных расколов и дроблений (в основном, первой половины 20-го века) телемитская часть Вселенской гностической церкви больше не имеет отношения к эзотерическому христианству и христианскому гностицизму (подобно тому, как ОТО –

давно уже не малоизвестный масонский орден начала 20-го века). Но для Кроули всегда было важно показать и некоторую преемственность не только телемитского учения от предшествующей ему мировой (хотя, конечно, преимущественно западной) эзотерической мысли, но и телемитской Гностической церкви от той гностической ектлезии, которая была основана Дуанелем и Папюсом.

Ну а теперь – самое время поговорить непосредственно о гностических учителях, оказавшихся в списке святых Телемитской церкви.

* * *

Первым среди гностиков, упоминаемых дьяконом ГКЦ во время Гностической мессы, является Симон Маг, якобы живший и учивший аж в середине 1-го столетия, то есть на целых 80 с лишним лет раньше следующей крупной, шумевшей фигуры гностического движения – Василида (такой длинный перерыв в гностической традиции уже сам по себе должен вызывать подозрения в историчности Симона). На мой (и не только на мой) взгляд, Симон Маг – сугубо мифологический персонаж, наделенный карикатурными чертами черного мага и выдуманный ересиологами для того, чтобы опорочить христианских гностиков и всё их движение. Скорее всего, хронологически *первое* упоминание Симона можно встретить в «Апологии» Иустина (146 г.), дошедшей до нас в цитатах, откуда его образ перекочевал чуть позже в новозаветные «Деяния Апостолов», которые вы все, я надеюсь, читали, и поэтому нет смысла обильно цитировать их.

Проблема, однако, заключается в том, что и «Апология», написанная по горячим следам римской деятельности Маркиона, и «Деяния» появились «с нуля» лишь в середине 2-го века и поэтому вряд ли могли доподлинно запечатлеть как собственно апостольскую жизнь и деятельность, так и описанный в них конфликт апостола Петра и «Симона Волхва». Кроме того, по мнению большинства современных текстологов, «Деяния» скомпанованы тем же автором, [который переделал сохраненное Маркионом Синопским «Евангелие Господне» в новозаветное «Евангелие от Луки»](#) – как нетрудно догадаться, с четкой и ясной целью очистить христианское учение от каких бы то ни было [гностических](#) элементов, а самого Маркиона, создателя первого в истории канона христианских текстов, выставить «фальсификатором христианского откровения». Ровно та же цель и тем же автором преследовалась и в «Деяниях», но уже не в отношении Маркиона (хотя косвенно и в отношении его тоже, поскольку рисуемый в Деяниях образ ап. Павла не очень хорошо увязывался с его Посланиями в том виде, в каком их донес до римских христиан тот же самый Маркион), а в отношении гностиков вообще и «Симона Волхва» как их первоучителя.

Образ Симона был срисован ересиологами, начиная с безвестного автора «Деяний», с «чудотворного» образа Иисуса, к тому времени уже обросшего немалым числом санкционированных молодой церковной ортодоксией мифов, причем к этому образу были добавлены именно черномагические черты, а «личная жизнь» Симона была представлена в виде предельно опошленной личной жизни Иисуса – подобно тому, как Иисус не расставался со своей любимой и вполне праведной ученицей Марией Магдалиной, Симон якобы не расставался с «проституткой Еленой, повсюду за ним таскавшейся». Интересно, что во времена активной деятельности Алистера Кроули теории о мифологическом характере «Симона Мага» не имели широкого хождения, поэтому вряд ли его можно обвинить в том, что он сознательно включил в свой список святых, судя по всему, не существовавшего человека. Да и ничего страшного в этом нет, а как пощечина тогдашней церковной ортодоксии это был с его стороны еще и красивый жест. Кроме того, есть же в

этом списке, например, Гермес и Кришна, а можем ли мы поручиться за то, что эти персонажи реальны?.. Ирония судьбы, впрочем, заключается в том, что такие относительно поздние русские симпатизанты гностицизма, как Е.П. Блаватская и [Юлия Данзас](#) в своих книгах пытались «восстановить доброе имя» Симона, в частности, утверждая, что и сам он никакой не черный маг, и его спутница Елена вовсе не проститутка и т.п.

Любопытно, что та же Ю. Данзас, хоть и прямо-таки «религиозно» верила в исторически реального Симона и даже в его авторство «Утверждения», тем не менее, также невольно внесла свой вклад (*Лит.*, 13, стр. 139–140) в развенчание мифа о нем. Цитата: «Св. Иустин Философ, рассказывая о ... римском периоде жизни Симона, утверждает, будто самарийскому магу оазывались в Риме божеские почести населением и властями, пораженными его чудесами, и что по кесареву повелению даже была воздвигнута статуя с надписью *Simone Deo Sancto* ... Однако это сообщение Иустина основано на недоразумении: в 1574 году, именно на указанном им месте (на островке среди Тибра), был случайно открыт уцелевший пьедестал статуи, оказавшийся посвященной древнему сабейскому божеству Семону Санку ... Надпись, введшая в заблуждение Иустина, гласила: *Semoni Deo Sancto*».

Космологические же «основы вероучения» Симона «дошли до нас» не по фрагментам его текстов, которых просто не существует в природе (не будем забывать, что, хотя и незначительное количество фрагментов и только в кратких цитатах тех же отцов церкви из работ Василида, Валентина, Вардесания и Мани, но всё же дошло до нас) исключительно благодаря ересиологам, которые пытались приписать ему произведение «*Megale Apophasis*», или [«Великое утверждение»](#), произведение анонимное, но реально существовавшее и принадлежавшее, конечно, перу куда более поздних авторов, нежели «Симон». Но «основы вероучения Симона Мага» были взяты ранними отцами церкви не только оттуда, но были (каждым «отцом» по-своему) скомпилированы с добавлением ряда фантастических подробностей из фрагментов учений более поздних выдающихся гностиков.

Итак, наш рассказ непосредственно о космогонии «Симона» следует вновь начать с того, что сам себя он якобы именовал Великою Силою Божией, а также требовал себе поклонения как Юпитеру. Женщину же, которую он якобы выкупил в Тире из публичного дома, Елену, он величал Минервою, всюду возя ее с собой: отсюда, как уже было сказано, вытекали и обвинения Симона в якобы развратном образе жизни. Но ряд исследователей, в частности, [Фердинанд Христиан Баур](#) (кстати, отождествлявший «Симона» с апостолом Павлом – модная в те годы в ученой среде теория), еще в 19-м веке считали, что «Елена» – это миф, под которым надо понимать Луну, соответствующую Солнцу, олицетворенному «великой силой Божьей». Эта догадка по-своему правдоподобна, тем более что Симон якобы представлял Божество в виде огня, а Его Творческую Силу, проявленную в мире, – в виде Солнца; причем эта символика, пришедшая из митраизма, позже весьма повлияет на христианское богословие. Кроме того, образ Елены был для Симона образом *человеческой души*, павшей в материальную скверну: образ, нельзя не признать, сильный. Однако остановимся теперь на «теологии Симона» подробнее.

Итак, Бог есть Огонь, точнее, Вечный Очаг Неизъяснимого Света. В этом Свете и пребывают все потенции бытия; это Тот, Кто был, есть и будет. Ему вечно соприсущи Разум и Мысль: это – первая Сизигия (чета) андрогинных Божественных проявлений. Затем Разум высказывает вслух Мысль, и так появляются Голос и Имя, а далее всё произнесенное венчается Рассудком и Мышлением. Это – шесть первоначальных

неизъяснимых Эманаций (Проявлений) Божества, дающих возможность вместить представление о Нем (но не познать Его!)

Вслед за первыми Шестью Эманациями появляется Безмолвие (Сиге), соответствующее Высшей Божественной Сущности в наивысшей сфере. Из него также в виде сизигий исходят в преемственном порядке новые Проявления с теми же именами. Но Безмолвие – высшее из тех проявлений, которые доступны пониманию, является состоянием Божественной Сущности, *предшествующим* акту творчества, т.е. Силой, содержащей в себе, но еще не проявившей всех потенций творения, это – «Дух Божий, носившийся над водою» (*Быт.* I, 2), т.е. над первобытной аморфной материей. В области сотворенного космоса, согласно строго соблюдаемому в гностических космогониях принципу подобия, эта степень проявления Божественной Творческой Силы соответствует невидимому второму, т.е. Духовному, миру.

Третий, самый низший, мир развивается, опять же, по аналогии с двумя высшими и образуется при слиянии Божественной Творческой Силы с одухотворенной ею Материей, т.е. уже в самом акте Творчества. Здесь уже первое место, соответствующее Высшей Первопричине Божественного мира, принадлежит человеческому духу, как звену между материей и Высшей Неведомой Сущностью. Как мы уже упоминали, именно в Третьем мире томится Божественная Мысль. Освободить ее – такова главная цель специально ниспосланного воплощения Высшей Божественной Силы.

Теперь немного поговорим о Василиде Александрийском. Он был хронологически первым из *реально* существовавших (начало его проповеди относится к самому концу 20-х годов 2-го века) крупных гностических учителей, оставивших после себя зрелую космологическую концепцию и, как утверждают, немалое экзегетическое наследие (а именно, 24 книги толкований на некое «Евангелие» – лично я убежден, что речь идет о «Евангелии Господнем», сохраненном Маркионом Синопским и позже привезенном последним в Рим, которое часто в обиходе именно просто «Евангелием», то есть «Благовествованием», и называлось). И, тем не менее, именно у Василида почти не оказалось учеников, развивавших бы *его* линию из нескольких известных гностических доктрин, тогда как чуть позднее, у Валентина, Карпократа, и уж тем более у Маркиона таких последователей было немало (последователи Маркиона, точнее, читатели и почитатели сохраненных им подлинных Евангелия и Посланий Павла встречались на Ближнем Востоке даже в 10 – 11 веках, после исламского завоевания этих краев, когда уже не только *прочих* гностиков, но и манихеев там давно не было). В этой связи Василида можно было бы счесть «кабинетным философом», однако известно, что он часто выступал и с публичными проповедями (в которых вряд ли, впрочем, затрагивал космологические тонкости своего мировидения). Кроме того, Василид, скорее всего, оказался несколько переоценен своими критиками из числа ортодоксов: теперь, когда в нашем распоряжении есть не один, как 150 лет назад, а 17 гностических Кодексов (включая 13 кодексов Библиотеки Наг-Хаммади, найденной в 1945 году, но, не считая манихейских и полугностических сочинений), мы можем утверждать, что имя и наследие Василида, в отличие от наследия валентиниан и Маркиона, почти никак в текстах этих Кодексов не представлено (во всяком случае, в сохранной их части).

Климент Александрийский в «Строматах» уверяет нас, что Василид, в отличие от гностиков «маркионитской линии», верил в «рождество» и вообще в земные родословия Иисуса, однако это представляется сомнительным как раз в силу того, что Василид мог написать апологетическое 24-томное толкование именно на [«Евангелие», сохраненное Маркионом](#) (ученые, связанные с церковью, конечно, утверждают, что речь идет о Лк., но

до конца 40-х годов 2-го века этого Евангелия просто не существовало). Вообще, следует заметить, что об учении Василида очень мало что известно достоверно, о чем совершенно справедливо написал еще в 1923 году исследователь раннехристианской истории Роланд Бэйнтон. Например, куцые цитаты (опять же, разной степени достоверности) из его высказываний дошли до нас в изложении Климента, из антимахейских «Деяний Архелая», из высказываний самого Мани Хайя. Гораздо больше вторичных источников, среди которых труды Иринейя, утраченная компиляция Ипполита, которую можно частично восстановить из «Панариона» Епифания, труды Филастрия, Псевдо-Тертуллиана, Феодорита, а также уже упоминавшееся сегодня «Опровержение всех ересей» Ипполита.

Согласно первичным источникам, систему взглядов Василида можно, скорее, определить как дуалистическую и эманационистскую, согласно вторичным – как пантеистическую и эволюционистскую. В этом смысле больше доверия, конечно, вызывает первая группа источников, где Василид предстает собственно гностиком-христианином. Согласно Епифанию, Василид был учеником Сатурнилы и Менандра в сирийской Антиохии, однако историчность обоих гностических учителей – также спорный вопрос, подобно тому, как почти невероятным представляется, например, то обстоятельство, что Маркион мог чему-то там «научиться у гностика Кердона». Но не будем отвлекаться.

Из Сирии Василид, уже обладая собственным учением, перебирается в египетскую Александрию. Судя по всему, это произошло примерно в 132 – 135 гг. В пользу того, что Василид и его немногочисленные последователи действительно опирались на «Евангелие Маркиона» и вряд ли придерживались доктрины земных родословий Иисуса говорит и то обстоятельство, что праздновали они вовсе не Рождество, но Эпифанию, по нынешнему католическому календарю приходящуюся на 6 января, когда Иисус «явился во славе», предположительно сойдя прямо с небес перед изумленными обитателями Капернаума. В этой дате, как и в дате «Рождества», впрочем, нет решительно ничего нового: если 22 – 25 декабря – это день рождения Митры солнцеликого, то 6 января – день явления во славе Диониса, что лишний раз напоминает нам: любые «точные датировки» земного служения Иисуса являются поздними выдумками. Если верить Иринейю (Наег. I.24), то именно Василид первым *подробно* разъяснил суть т.н. [гностического христианства](#), так или иначе сводящегося к пара-библейскому противопоставлению благих божеств Элохим (сотворивших и 365 небес, или зонов, и землю) и неблаготворного божества Яхве, который не творил ничего, но который в более поздней, валентинианской гностической традиции часто напрямую отождествлялся с протоархонтом Иалдабаофом, незаконнорожденным сыном падшей Софии, заселившим землю людьми, изначально имевшими духовную природу и к земной жизни поэтому плохо приспособленными.

Именно этим, косвенным образом, и объясняется подчеркнутое внимание Василида к «ветхозаветной проблематике», впрочем, судя по всему, толком не выходящее за пределы изучения и экзегезы Книги Бытия. Просто если более поздние гностики валентинианской школы (точнее, валентинианских школ) акцентировали максимум внимания на мифе о падении Софии из Плеромы, то Василид как бы готовил для этого мифологическую почву, гораздо охотнее говоря о высшем мире своего дуалистического мировидения, нежели о мирах падших (впрочем, не скрывая при этом своего непочтительного отношения к Яхве). Немаловажным фактором является и то, что Василид признавал реинкарнацию, и эта его вера так или иначе перекочевала в валентинианство (где она отлично видна в заключительной части такого суперпопулярного у гностиков середины 2-го века текста, как [«Апокриф Иоанна»](#)). Интересно, что Василид никогда не был отлучен от Александрийской церкви – вероятно, потому, что никаких, даже зачаточных представлений о «ересях» в современном ему Египте еще не было.

Если Валентина называли и называют первым в истории христианским платоником, то учение Василида принято считать христианским аристотелизмом. Впрочем, с подобного рода констатациями, восходящими еще к «Опровержению всех ересей» Ипполита Римского, следует быть предельно осторожными в силу того, например, что Ипполит так и не понял ни учения Аристотеля, ни учений других античных философов, которых он презрительно именовал «нечестивыми язычниками» (хотя ему и были доступны некоторые *ныне утраченные* работы Аристотеля). Однако трудно не заметить и сходства в представлениях «о душе» в [одноименном трактате Аристотеля](#) и у Василида. Кроме того, оба философа довольно схожим образом признавали троичную природу всего сущего. При этом у версии об аристотелианском происхождении василидовой космологии есть и свои, хотя и умеренные, оппоненты. Например, современный исследователь гностицизма Джон Уиттэйкер пишет: «Вряд ли подлежит сомнению тот факт, что Василид утверждал будто Бог невыразим, чтобы поставить себя в оппозицию к своим предшественникам, однако эта точка зрения, которую он *усвоил*, я уверен, была обусловлена не идеей какого-либо возможного аристотелева разграничения между апофатическими и катафатическими утверждениями [относительно Бога], но, несомненно, лишь жаждой отличиться от своих предтеч в области апофатического богословия» (курсив мой).

Однако давайте попытаемся просуммировать то, что нам известно об учении Василида из сбивчивых и иногда противоречащих друг другу «свидетельств» разных ересиологов, начиная с Иринея.

Космогония Василида восходит к Отцу Всего Сущего, который назван также Первичной Незыяснимой Сущностью. Она является бесстрастной, и в Ней непостижимым образом заложены Семена, или Потенции, всего того, что впоследствии разделяется на Духовное и Материальное, на Свет и Тьму, добро и зло и т.п. Всеблагая же Божественная Сущность, которая страдает миру, «лежащему во зле», и усилиями Своей Благости постепенно очищает его от зла и страдания, присущих материи, в системе Василида занимает лишь второстепенное место. Превыше нее – Основной Первичный Принцип, Непостижимая Сущность, чуждая не только всякому акту творчества, но и вообще как бы для мира не существующая, ибо она превышает не только всякой идеи бытия, но даже и самого небытия. «И это не было то, что называется Неизреченным, ибо Неизреченным обозначается Нечто, а это даже не Неизреченное, ибо оно превышает всякого слова или обозначения».

В этой Таинственной Сущности, именуемой также Первобытным Ничто, Богом Нечто, без мысли, без сознания, без воли, без решения, очевидно, *сама по себе* зарождается Идея Бытия. И в Нем же проявляется Всеблагое Семя, или Зародыш всего того, чему суждено развиваться из собственных потенциалов, без заранее определенного плана. Здесь мы уже можем уловить смысл кажущегося противоречия в учении Василида о Божестве, представляемом им в чисто пантеистическом духе как Первобытная Потенция Всего Сущего, между тем как в дальнейшем развитии его космогонии мы видим чистый дуализм в виде резкого разделения понятий Духа и Материи, Света и Тьмы.

На самом же деле, на мой взгляд, пантеизм Василида заключается в трансцендентальной идее Божества вне всякого проявления Его в мироздании; дуализм же начинается там, где рассматривается мировая эволюция духовных сил и материальных сил.

По Василиду, первым проявлением таинственного Всеобщего Семени является Непознаваемая Троичная Сущность, обозначаемая также как Три Сыновства. Это – Непостижимые Принципы Трех Сущностей, т.е. Божественной, Духовной и Материальной, в которых содержится всё бытие. Первое Сыновство есть Невещественная,

Непостижимая, Неименуемая Сущность Божества; в ней проявляются Первичные Божественные Эманации: Отец, Ум, Слово, Разум, Сила, Премудрость (София), Правосудие и Мир. Это – Высшая Восьмерица, или Огдоада Божественных Проявлений; в совокупности их – Непостижимая Божественная Сущность, пребывающая превыше мира, Неизреченная Невещественная Красота, к которой стремится всё сущее.

Второе Сыновство уже не является Чистой Идеей. В какой-то степени оно уже отягощено материей; это – Духовная Сущность, средняя между Непостижимым Божеством и реальным миром. Стремясь подняться ввысь и слиться с Неизреченной Красотой Божественной Идеи, Второе Сыновство производит из внешнего мира Дух и как бы крыльями поддерживает его снизу; так оно возносится до Непознаваемой Высшей Огдоады. Дух же остается в Низшей Области, соприкасающейся с материальным миром, ибо Он – продукт Низшего Мира и принадлежит ему. Но как сосуд, наполненный благовоением и затем опорожненный, сохраняет в себе аромат, так и Дух, отделившийся от Второго Сыновства, сохраняет в себе Частицы Силы и Света Божества. Оставаясь в Области Низшего Мира, Он является Отблеском Высшей Божественной Сущности и одухотворяющим Началом в мире. Третье Сыновство находится уже в Области Реального Мира, в царстве материи, страждущей и ожидающей освобождения и очищения. И это есть «тварь, чающая откровения».

Из этой Области Третьего Сыновства, т.е. из Низшего Мира, где столкновение и смешение Божественной Сущности с Материальным Началом дает толчок к космической эволюции, воздвигается Великий Архонт (обратите внимание – [не Демийург](#)), Глава Мира, т.е. высшая космическая Сила, принцип мировой энергии, управляющей эволюцией материи. Великий Архонт производит себе Сына (Первое Творческое Проявление) и с ним, а также с Шестью последующими Эманациями образует Вторую Огдоаду, содержащую потенциально все созидающие силы Вселенной.

Далее из таинственной Второй Огдоады – Низшей Огдоады Великого Архонта – происходит, в порядке преемственных эманаций, постепенное выделение космических сил, вплоть до их мистического числа 365. Семь последних из них образуют Низшую Гебдомаду, или Седмицу, и управляют нашим, т.е. видимым, миром. В них мы узнаём Мировые Силы, олицетворенные семью планетами видимого мира и знакомые нам по прочим гностическим системам. У Василида одна из них также отождествляется с ветхозаветным Яхве, давшим закон Моисею.

И это как раз то место в василидовой космогонии, которое послужило для Иринея поводом к ее упрощенному толкованию: по его мнению, выделение 365 Космических Сил происходит не из Низшей Огдоады Великого Архонта, но непосредственно из Высшей Огдоады Непознаваемого Божества. Проясним этот момент подробнее.

Хотя у ученых и есть большие сомнения в том, что Василид и пара его ближайших учеников, включая его сына Исидора, действительно использовали в своих построениях такое имя, как Абракас (или Абрасакс), а также геммы с его изображением (что приписывали ему многие ересиологи), это вполне могло иметь место, однако мы не должны забывать о том, что в гностицизме Абракас не был, в отличие от более ранних античных магических представлений, ни демоном преисподней, ни божеством. В нем Абракас – не имя собственное, а нумерологическое обозначение *как раз 365* эонов Плеромы или частей человеческого тела, а также дней календарного года как проекции этих эонов на мир плотной материи. Это важно подчеркнуть, поскольку в «занятии магией» немногочисленных сторонников Василида вряд ли можно было «обвинить»: они были лишь исторически одними из первых, если не первыми вообще, крупными христианскими апологетами. Сумма букв греческого алфавита сумма букв Имени

$\alpha\beta\rho\sigma\alpha\xi$ равнялась цифре 365: $\alpha = 1, \beta = 2, \rho = 100, \alpha = 1, \sigma = 200, \alpha = 1, \xi = 60$. Сумма = 365.

Но вернемся к Третьему Сыновству. Оно, т.е. Низшее Проявление Божественной Сущности, слито с материальным началом, изошедшие же из него космические силы создали реальный мир и управляют законами природы. Но Божественная Сущность, заключенная в материи, томится в ней и жаждет освобождения от этих низших мировых законов, чувствуя возможность сбросить оковы и вознестись к Непознаваемому Свету и Божественной Свободе. Именно это откровение Высшего Гнозиса и привносит в мир Христос.

Видимо, в системе Василида Христос был Проявлением Перворожденного Ума Высшей Огдоады, но не Логоса. Он снизошел к миру, пройдя через все сферы бытия под мистическим именем *Кавлакау*. Через Низшую Гебдомаду Он сошел в человека Иисуса, соединившись с ним при крещении Его в Иордане. Далее же наши сведения о христологии Василида очень противоречивы. Мы не можем поэтому установить, как он представлял себе сочетание Христа с Иисусом – в реальном или же в докетическом ключе. Но как бы то ни было, Василид, судя по всему, не придавал особенного значения крестным страданиям Иисуса и как минимум отрицал возможность страдания для Христа. Вере в Распятого Бога не было места в системе Василида, он считал ее верой «рабов низших Космических Сил».

Смысл же явления Христа, по Василиду, заключался в возвращении *миру* Истинного Высшего Божества. Этим откровением получает спасение и очищение всё Третье Сыновство, всё Мировое Сознание, которое жаждет этого. «Как нефть воспламеняется от близости огня, так и сознание воспринимает Идею Божественной Сущности и жаждет слияния с нею», – говорит Василид. То есть с пришествием Христа завершилась (!) эволюция, *медленно* освобождающая Частицы Божества от гнета материи. И когда все элементы духа и материи будут, наконец, разделены, когда Частицы Божества, вернувшись к Первоисточнику, освободятся от мучительных исканий и найдут конечное удовлетворение, когда всё сознание очистится от гнета хотения и воли и найдет спокойствие в бесстрастном мире Божества, тогда и наступит конец мировой драмы. На месте Страждущего Бытия воцарится неизъяснимое Великое Неведение.

Фактически, на смену Василиду, проповедовавшему, судя по всему, совсем недолгое время, пришел другой крупный гностический учитель, Валентин, отличавшийся от своего, условно говоря, предшественника тем, что находился он в Египте с детских лет, а в Александрии в юности овладел греческим языком. Однако расцвет его философской и просветительской деятельности пришелся вовсе не на Александрийский период, но, если верить Иринею (Нагг. III.4.2), примерно на двадцатилетний (140 – 160 гг.) период пребывания в Риме. Интересно, что в течение этих 20 лет Валентин не только успел обзавестись немалым количеством учеников, каждый из которых по-своему развивал, а то и пересматривал положения его доктрины, но и проповедовал параллельно с ними, никак не мешая им и уже их ученикам «гнуть свои линии». Причем точное число его учеников и по сей день назвать затруднительно: так, неизвестно точно, принадлежал ли к ним, например, Татиан. Известно также, что его ученики были чрезвычайно активны *уже* в середине 40-х годов 2-го века.

Кроме того, наследие Валентина и его школы дало чрезвычайно мощные всходы в обнаруженных на сегодняшний день гностических кодексах – Кодексе Эскью ([«Пистис София»](#)), [Кодексе Брюса](#), [Берлинском папирусе 8502](#), Библиотеке Наг-Хаммади и [Кодексе](#)

Чакос. А этого никак не скажешь о наследии любого другого из известных нам гностических философов поздней античности, в том числе прочих гностиков – святых ГКЦ.

Тертуллиан утверждал о якобы имевшем место «разрыве» Валентина с римской еkkлезией из-за того, что он хотел занять в ней епископскую кафедру, а ему не позволили этого сделать. Однако это «свидетельство» Тертуллиана представляется, мягко говоря, сомнительным: у нас есть все основания полагать, что Валентин изначально придерживался именно гностического взгляда на новую христианскую религию, познакомившись с весьма экзотическими воззрениями римских христиан того периода уже в зрелом возрасте, а претендовать на кафедру для руководства общиной, придерживающейся воззрений, известных ныне как «монархианская ересь», вряд ли было пределом его мечтаний. Римляне действительно могли «отлучить» его от своей общины, но вряд ли он сам считал себя ее соучастником. Кроме того, он явно не был клириком в Риме, следовательно, не мог даже претендовать на епископство в Вечном Городе. Однако известно, что некоторые поздние валентиниане, например, Флорин, имели сан пресвитеров, а многие были просто рядовыми членами тех или иных христианских общин.

Несмотря на все перечисленные нами чуть выше факторы, от Валентина, как и от его учеников (и то не от всех) в форме цитируемой прямой речи дошло ничтожно мало фрагментов, и мы можем восстановить их лишь по совокупности изложений ересиологов (в той части, где они не противоречат друг другу).

Однако поговорим о космологии Валентина. Ириней утверждает, что в основе учения Валентина о Божестве лежало понятие о Непознаваемой Двоице, обозначаемой мистическими именами Неизреченный и Молчания; из этой Первой Непостижимой Сизигии исходит Вторая, именуемая Отцом и Истиной, и вместе с Первой она образует Таинственную Четверицу, или Тетраду. Неизреченное Первоначало обозначается также словом *Битос* (Глубина, или Бездна), но из пересказа Иринейя не вполне ясно, относится ли это наименование лишь к Первому Члену Первой Сизигии или ко всей Высшей Тетраде.

Из этой Высшей Тетрады происходит эманация двух других Сизигий – Слова и Жизни, Человека и Церкви, образующих Вторую Тетраду; обе Тетрады вместе составляют Непостижимую Высшую Огдоаду, недоступный воображению Очаг Божественной Сущности.

Из Второй Тетрады происходит дальнейшая эманация Божественных Проявлений, причем из Логоса и Жизни исходят Десять Эонов, или Декада, а из Человека и Церкви – Двенадцать Эонов, или Додекада. Конкретные же названия этих Эонов известны нам благодаря данным Птолемея в иринеевском их истолковании. Итак, Декада, исходящая из Логоса и Жизни, состоит из Пяти Сизигий: Присущий Бездне + Смещение; Нестареющий + Единение; Самородный + Радость; Неподвижный + Слияние; Единородный + Блаженство. Додекада же, исходящая из Человека и Церкви, состоит из следующих Шести Сизигий: Утешитель + Вера (*Pistis*); Отчий + Надежда; Материнский + Любовь; Вечный Ум + Разум; Соборный + Блаженный; Желанный + Премудрость (*София*). Эти Двадцать Два Эона, или Проявления Божества, вместе с Высшей Огдоадой образуют таинственную Плерому, т.е. Полноту Божественной Сущности, изображаемую мистическим числом 30.

Именно эта система Божественных Эманаций, число которых доведено до 30, и является характерной чертой валентинианства. Она нашла себе место во всех его разветвлениях;

изменениям подвергался лишь порядок исхождения Эонов или сами их Имена. Возможно, что Валентин заимствовал идею эманации у Василида, но дал ей иное развитие: вместо василидианских одиночных Проявлений Божества у него, *как и у «Симона Мага»*, мы видим парные, взаимодополняющие Эманации. Это дало ересиологам повод обвинить Валентина в нечистом воображении, якобы приписывающем Божеству проявления мужского и женского рода по образцу земного супружества.

В своей системе Божественных Эманаций Валентин пытался выразить образами, *доступными человеческому воображению*, бесконечную смену проявлений и потенций непознаваемого идеального мира Божества. При вдумчивом разборе текстов становится ясным, что мужские наименования Эонов, обозначаемые прилагательными (Нестареющий, Самородный, Неподвижный, Желанный и т.п.), характеризуют *свойства* Незьяснимого и Незреченного Первоначала, тогда как наименования женского рода, обозначаемые существительными (Смешение, Вера, Любовь, Премудрость и т.п.) дополняют первые и олицетворяют *потенции* Непостижимого и Всемогущего Творчества. В свою систему эманаций Валентин вложил глубокую идею, обычную в древней философии, о пассивном начале, символически изображаемом женским элементом, содержащим творческие потенции, но развивающим эти потенции лишь при воздействии активного, мужского, начала. Эта же идея нашла выражение у Валентина в дальнейшем грандиозном космологическом мифе, начинающемся с отпадения от Плеромы ее последнего члена, Премудрости, призванной быть переходной ступенью от Мира Идеального к Миру Реальному.

Из сжатого пересказа Иринея нельзя установить, *каким образом* в Плероме, в Самодовлеющей Полноте Божественной Сущности, появляется неудовлетворенность, побуждающая Софию искать творческой деятельности вне этой Полноты Божества. Это – наиболее неясное для нас место в системе самого Валентина в том виде, в котором она дошла до нас. Если верить Иринею, эта символика представлена в следующем виде: София (последний член Плеромы) взглянула ввысь и возжелала стать подобной Незреченному Началу, создав из себя ряд совершенных эманаций. Но этот импульс творчества ей непосилен и влечет за собой ее отпадение от Совершенной Полноты Божества. Плерома за ней замыкается, и отныне отделяется от падшей Софии таинственным Пределом. 29-й член Плеромы, соответствующий Софии в Последней Сизигии, т.е. Мужской Эон *Желанный*, оставшись без своей пары, втягивается обратно всей Плеромой *и растворяется в ней*. Так на месте Последней Сизигии образуется пустота – гармония Божественной Полноты оказывается нарушена, и в самую Сущность Божества закрадывается неудовлетворенность, желание восстановить поколебленное равновесие Плеромы. Здесь мы видим образное выражение чрезвычайно глубокой мысли: мировая драма Богоискательства развертывается не в одном только низшем мире, но и в высшей умозрительной Области Божественной Идеи. Если низший мир жаждет реинтеграции в Божественную Сущность, то и высший, «идеальный», мир Божества стремится к возвращению в первобытное состояние Самодовлеющей, Бесстрастной, неизъяснимо-бездеятельной Полноты.

Итак, отпавшая от Плеромы София отдается импульсу творчества. Но в ней нет активного созидательного начала, она – пассивно-женский элемент и потому не может выдать совершенное творение. Она пытается творить с помощью «тени прошлого», но ей удается только выделить из себя всю свою Божественную Сущность, которая принимает образ нового Эона – Христа. И вот Христос, вместивший весь Божественный элемент Своей матери Софии и освободившийся от ее низшей субстанции, немедленно возносится к Плероме и, переступив через Предел, входит в нее. Пробел, образовавшийся в Плероме после отпадения Софии и растворения Желанного в остальных Эманациях, заполняется

затем двумя новыми Эонами: Христом, изошедшим из Софии, и Духом Святым, произведенным Истиной (т.е. Второй Высшей Сизигией) для укрепления остальных Эонов и полного их просвещения.

Между тем, София (иногда обозначаемая Софией Ахамот), лишенная своей Божественной Сущности, тоскует и мечется, продолжая творить вне Плеромы с помощью Тени Прошлого. Она создает Демиурга, в которого влагает свой душевный, или психический, элемент; это – Мировая Душа, Сверхкосмическая Сила, образующая Мировое Сознание. *Вместе с Демиургом* София создает и грубейший Материальный Принцип, олицетворяемый *Левым Князем*, или Сатаной; это – Низшая Космическая Сила, мировая энергия, присущая материи. Таким образом и было положено начало материальному миру в его привычной нам форме, а также его эволюции, развивающейся вне Идеальной Области Божества.

С введением в Плерому двух новых Эонов (Христа и Духа Святого) вновь завершается круг Тридцати Проявлений Божества. Остается лишь освободить психическую сущность Софии, заключенную в Низшем Мире, и это освобождение совершается через еще один Эон – *Иисуса*. Ипполит в «Опровержении...» сообщает нам, что именно сотериологический вопрос (о происхождении Иисуса и о значении Его явления в мире) послужил поводом к расколу в среде валентиниан и к ее распаду на две школы: *строго* докетическую, восточную, и западную, признававшую в Иисусе не только пневматическую, но и психическую субстанцию. Какой из точек зрения придерживался сам Валентин, Иринея нам не сообщает, резко прерывая на этом рассказ о нем и переходя к его ученикам. Но перед этим он всё же, касаясь происхождения Иисуса, упоминает, что часть валентиниан считала Его эманацией Эона Желанного, другая часть полагала, что Его произвел Эон Христос, третья часть считала Его эманацией Сизигии Человека + Церкви. Этот пробел в наших познаниях христологии Валентина заполняет, однако, Климент Александрийский, говоря, что Валентин придерживался (но не строго) докетических воззрений и учил, что Иисус был облечен не материальным телом, а психической субстанцией, так что Он «не ел и не пил, и пища в нем не переваривалась». Но Высшей Божественной Сущностью Он был одарен не сразу, и Сам достиг соединения то ли с Эоном Христом, то ли с Эоном Иисусом.

Следующий интересующий нас гностический святой ГКЦ, Вардесаний (его также зовут Вардесан, или Бардзан, или Бардесан) является представителем совсем другого поколения гностиков, нежели Василид, Маркион или Валентин. Он только родился, когда уже начали проповедовать поздние валентиниане и были написаны греческие оригиналы всех ключевых сугубо гностических текстов, таких как «Апокриф Иоанна», [«Евангелие от Фомы»](#) или [«Евангелие Истины»](#). Родился он в Сирии в 154 году, недалеко от г. Эдесса в знатной, состоятельной семье. Более того, он воспитывался вместе с будущим царем Сирии Агбаром Восьмым и впоследствии даже остался жить и работать при его дворе, приняв вместе с царем христианство. Вардесаний знал не только сирийский, но и греческий язык, что позволило ему не замыкаться в глубоко провинциальных сирийских христианских представлениях и быстро выйти на проторенную предшественниками дорожку эллинского Гнозиса, став последователем Валентина. Впрочем, позднее он составил собственную доктрину, во многом отличную от валентинианства.

В 216 году он, будучи по меркам той эпохи уже стариком, в результате иноземной оккупации Эдессы был вынужден бежать из родной Сирии и предпринять долгое и опасное путешествие в Армению, где он написал на своем родном языке историю армянских царей, позже переведенную на греческий. Философ-неоплатоник Порфирий

также приписывает ему книгу об Индии, сведения о которой он якобы получил, общаясь с индийскими дипломатами. Впрочем, времена позднего проповедничества Вардесания уже явили античному миру откровенные междоусобицы, начавшиеся внутри той среды, которую мы теперь условно именуем гностико-христианской: известно, что на своей новой родине, в Армении, Вардесаний выступает с проповедями против маркионитов, живших в то время во всех странах, где были христианские общины. Писал он также и стихи, сочетая в себе, таким образом, пять ипостасей: философа, астролога, историка, астронома и поэта.

Как пишет Нина Викторовна Пигулевская, крупнейший советский исследователь до-мусульманской, раннесредневековой Сирии, основное содержание учения Вардесания (уже самостоятельного, после того, как он порвал с валентинианами и даже осудил их) изложено в «Книге законов стран». В полемической форме диалога в ней развиты те представления о звездах, о светилах, о мироздании, которые были распространены в Междуречье. В них сочетались древние верования вавилонян, учения, развитые гностиками, космографические взгляды античных философов. Вардесаний оперирует такими понятиями, как эон, природа и власть, причем последняя соответствует независимой самостоятельной воле (*thelema* по-гречески). Свобода и самостоятельность воли человека, согласно Вардесанию, ограничены действиями других людей, также обладающих волей.

Пигулевская отмечает также, что ученость Вардесания основывалась непосредственно на положениях науки о светилах и звездах, разработанной в Месопотамии (в Вавилоне) и в Египте (в Александрии). Различия между той и другой традициями были незначительны; можно считать, что к III в. взаимное проникновение осуществилось в столь полной мере, что они стали единым, общим учением, в котором в оболочке астрологии содержится астрономическая система: условия и последовательность движения небесных светил, установленные в результате многовековых наблюдений вавилонских магов, халдеев, с древних времен известных в роли звездочетов, составителей календарей, предсказателей солнечных и лунных затмений. Они письменно фиксировали изменения в траекториях звезд и светил, умели вычислять и определять их положение. Таким образом, астрономическая наука, к которой были причастны и Вардесаний, и его ученики, достигла высокого по тем временам уровня.

Астрономические расчеты Вардесания были известны даже спустя века после его смерти: до наших дней дошла его таблица периодов обращения планет, которую приводит дословно цитируемый Пигулевской Георгий, епископ арабов, занимавший свою кафедру уже в восьмом столетии и умерший в 724 г. «Ибо, – пишет он, – Бардесан, древний и известный своим знанием дел (= явлений) ученый, в одном сочинении, относительно сочетаний (“схождений”) небесных звезд друг с другом, говорит так: два обращения Кроноса (Сатурна) составляют 60 лет; пять обращений Зевеса (Юпитера) – 60 лет; 40 обращений Ареса (Марса) – 60 лет; 60 обращений Солнца – 60 лет; 72 обращения Афродиты (Венеры) – 60 лет; 120 обращений Гермеса (Меркурия) – 60 лет; 720 обращений Луны – 60 лет. Это есть одно сочетание их всех, или время одного их сочетания. Отсюда следует, что 100 их сочетаний составят 6000 лет. Таким образом, 200 обращений Кроноса равны 6000 лет; 500 обращений Кроноса равны 6000 лет; 500 обращений Зевеса – 6000 лет; 4000 обращений Ареса – 6000 лет; 6000 обращений Солнца 6000 лет; 7200 обращений Афродиты – 6000 лет; 12000 обращений Гермеса 6000 лет; 72000 обращений Луны – 6000 лет. Такой метод вычислений применял Бардесан, желая показать, что только 6000 лет будет стоять этот мир».

Возможно, автором гностических гимнов в апокрифических «Деяниях апостола Фомы», в оригинале написанных на сирийском языке, является именно Вардесаний, но доказать этот тезис не представляется возможным. Еще в начале 20-го века выдвигалась гипотеза о том, что «Оды Соломона», открытые в те годы, также мог написать Вардесаний. Однако от этой гипотезы наиболее авторитетные исследователи темы теперь отказались, установив, что Оды были написаны еще до его рождения.

Вардесания называют «последним гностиком», имея в виду времена античного гностицизма, однако с этим можно поспорить, вспомнив время написания той же «Пистис Софии», вышедшей из-под пера поздних валентиниан уже после смерти Вардесания. Что касается космологических представлений Вардесания, то о них у нас совсем немного сведений, тем не менее, они есть.

Итак, по Вардесанию, в мире существуют два равнозначных Первоначала – *Свет* и *Тьма*. Таким образом, у Вардесания и его учеников дуализм лег на еще более подготовленную (нежели простая гностическая оппозиция «нормативному иудаизму») почву из старых халдейских космогонических преданий, и потому смог принять более определенную, чем у многих более ранних гностиков, форму. В Сирии и не только там его школа оказала огромное влияние на космологию более позднего манихейства. Образование Вселенной, по Вардесанию, совершилось посредством отпадения женского начала *Хакмут*, в которой легко можно узнать парафразированную *Ахамот*. Мир же был создан Семью Космическими Силами, олицетворяемыми семью планетами.

Наконец, в завершающей части сегодняшней лекции мы подробно поговорим о Мани и манихействе. Если из всех популяризаторов гностических учений, включенных в список святых ГКЦ, всё же некоторое недоумение может вызвать Ипполит (на мой субъективный взгляд, там куда уместнее смотрелся бы Маркион), то вот появление там Мани вполне логично. Мар Мани Хайя как бы подвел черту под всеми гностическими доктринами, существовавшими до него. И если Маркион, которого Мани, кстати, бесконечно уважал (а ученики Мани полемизировали с тем же [Августином](#) не столько в манихейском, сколько в [«маркионитском» духе](#)), будучи лишь *стихийным* гностиком, оказался создателем первого в мире христианского канона, то Мани создал первый в мире четко прописанный гностический христианский канон, впрочем, дошедший до нас не полностью (в основном – через коптские «Кефалайя», или «Главы Учителя»), т.к. не все «профильные» тексты манихейства, и даже не вся антиманихейская литература, принадлежавшая христианам, персам-зороастрийцам, неоплатоникам, мусульманам, индусам и китайцам дошла до нас. Однако важно помнить, что Мани создал не только, по сути дела, мировую гностическую христианскую религию в условиях уже при его жизни начавшегося упадка классических гностических доктрин, но и [распространил ее максимально широко](#) – от коптского Египта, Рима и Греции до [Восточного Туркестана](#) и [Китая](#) (причем в двух последних регионах мира она просуществовала как относительно массовое явление аж до 14-го века, хотя ее существование в течение стольких столетий мрачного азиатского средневековья, как и при жизни самого Мани, трудно назвать безоблачным).

Биографы называют родиной Мани Вавилонию; он родился в 216 году н.э. Но при указании конкретного места его рождения источники расходятся. Ряд относительно поздних и неправдоподобных легенд приписывают Мани царское происхождение (появлению этих легенд способствовал реальный факт его появления при дворе свергнутого позднее персидского царя Шапура Первого). Как пишет в своей монографии, посвященной «Главам Учителя», российский исследователь манихейства Евгения Борисовна Смагина, незадолго до рождения сына отец Мани, Патик (позже – сам ученик

собственного сына) сменил веру (ранее он, судя по всему, исповедовал зороастризм) и удалился в некую иудеохристианскую общину. Когда Мани исполнилось 4 года, отец привел его в эту общину, в которой Мани и прожил до 24-летнего возраста. Последователи этой общины по-гречески (в манихейском Кельнском кодексе) именуется баптистами, или крестителями. Эти названия явно восходят к одному оригиналу, происходящему, несомненно, от обычая ежедневных ритуальных омовений и очищения пищи водой. Еще одно наименование секты – элхасайты. Они вели аскетический образ жизни, в частности были вегетарианцами и трезвенниками. Более того, ограничения распространялись, очевидно, и на некоторые виды растительной пищи. По всей видимости, это была чисто мужская община, где соблюдалось безбрачие (в общинах же, основанных самим Мани, женщины появились уже на самой ранней стадии их существования). Активное использование элхасайтами разного рода апокрифов не могло не повлиять на мировоззрение будущего основателя манихейства.

Легенда гласит, что первый раз откровение снизошло на Мани, когда ему было 12 или 13 лет. Эту дату в жизнеописаниях Мани Смагина объясняет тем, что тринадцатый год – это возраст религиозного совершеннолетия у иудео-христиан. Мани тогда явился Божественный Двойник и открыл ему его будущую миссию – нести в мир истинную, изначальную, вселенскую религию, возвещая ее всем странам и народам. Однако лишь через 12 лет, в 240-м году, Мани произносит свою первую проповедь перед собственной общиной. Тогда Персией уже много лет правил Арташир, основатель Сасанидской царской династии.

Мани задумал свою религию как универсальную, т.е. задался целью обратить в нее представителей всех конфессий; элхасайты же, судя по всему, вели замкнутую жизнь и не имели такого рода амбиций. Мани покинул элхасайтов и увел за собой своего отца Патику и двух молодых людей, т.е. своих первых учеников. С ними Мани отправляется вверх по течению Тигра и Евфрата. Так начались его странствия по Персии и странам Среднего Востока. Более того, позже Мани с учениками дошел до Индии и вернулся затем в Иран. Разумеется, это не были увеселительные прогулки: он и его ученики всюду основывали общины верующих, а учеников своих он отправлял даже в Рим. К слову, первую римскую манихейскую миссию возглавил его отец Патик (сам Мани в этом походе не участвовал). Примерно через год он снова возвратился к Мани, который к этому времени уже вернулся из Индии.

Первая проповедь Мани перед персидским царем, согласно арабским текстам, произошла в день коронации Шапура Первого, т.е. 9 апреля 243 г. Турфанские тексты, в свою очередь, отмечают, что Шапур после этой проповеди не только благоволил Мани и, по сути, сделал его придворным проповедником, но и выдал ему охранные грамоты, чтобы Мани мог осуществлять свою миссию по всей империи. Как бы то ни было, в течение 10 – 11 лет жизнь Мани протекала при более или менее благосклонном отношении со стороны персидских монархов.

В период пребывания при дворе был написан [«Шапуракан»](#) – единственная книга *самого* Мани на среднеперсидском языке, предназначенная, как явствует из названия, прежде всего, для царя Шапура. В ней излагались основы манихейской религии и содержались некоторые автобиографические данные. Кроме того, в это время сложилась книга «Посланий» Мани ученикам, вошедшая затем в манихейский канон, и, возможно, книга псалмов. Однако весной 273 г. Шапур Первый скончался, и Мани поспешил явиться к его сыну и преемнику Ормизду – очевидно, в Ктесифон.

Но новый царь Ормизд, процарствовав всего около года, весной 274 г. умирает. На престол вступает его брат Бахрам Первый, заслуживший впоследствии славу ревнителя зороастризма. Из своего очередного путешествия Мани возвращается уже в царствование Бахрама I. В этот период для него и начинается череда серьезных неудач и испытаний: из Ассирии он пришел в город Хормизд-Арташир в провинции Хузистан, где у него были приверженцы, оттуда хотел направиться в Кушан, но туда его непустили. Тогда Мани выбирает иные маршруты – возможно, ожидая гонений, он хотел посетить как можно больше общин и произнести последние наставления верующим.

Затем Мани прибыл в царские покои в г. Белабад. По сведениям из коптских и турфанских источников, зороастрийские жрецы, в особенности тогдашний верховный жрец Картир, оклеветали Мани перед царем, тогда как в коптской гомилии царь призвал Мани к себе, и между ними произошел разговор, на протяжении которого царь Бахрам демонстрировал всё усиливающуюся неприязнь к Мани и его приверженцам. В частности, царь обвинял их в том, что они несут людям лишь зло и спрашивал, почему Бог открыл истину Мани, а не ему, великому царю, а также пытаясь выяснить, кто персонально был источником «ереси» Мани. Возможно, увидев в манихействе воззрения, общие с известными ему христианскими, царь заподозрил, что Мани действует по наущению врагов-римлян, желая поколебать единство державы распространением чуждой веры.

Беседа эта завершается тем, что Бахрам приказал бросить Мани в темницу. По другой версии, Мани был с самого начала заключен в темницу и оттуда приведен к царю на допрос. Согласно коптским источникам, заключение Мани длилось 26 дней, причем его сковали по рукам и ногам, а на шею надели колодки. К Мани приходили посетители, которым он отдал последние распоряжения, касающиеся общинных дел. В темнице он также назначил 12 учителей и 72 епископа, а также поставил во главе церкви своего ученика Сисинния. Кроме того, понимая, что гонения на манихеев лишь начинаются, он призвал последователей своего вероучения к мужеству и стойкости.

По испещренному лакунами тексту «Гомилий» всё же можно сделать вывод, что Мани не казнили (как утверждали некоторые *неманихейские* источники), но что после 25 дней постоянного пребывания в кандалах Мани умирает собственной смертью. Согласно многим дошедшим до нас письменным свидетельствам, это произошло в понедельник, четвертого числа месяца шахревар (или фаменот у коптов), т.е. по вавилонскому календарю 4 адара, в 11 часов 273 года (есть и версии его кончины в 276 году) по нынешнему европейскому летоисчислению. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что Мани оказался, скорее всего, первым в истории видным гностическим Учителем – мучеником за веру.

Нижеследующая реконструкция учения Мани в изложении Е.Б. Смагиной основана, главным образом, на данных «Кефалайя» (главы I – III) и коптской «Книги Псалмов».

Есть два вселенских первоначала – свет и тьма, причем свет был изначально един и нетронут. Управитель Света – Отец, Отец Величия, Бог Истины. При этом сам Свет состоит из двенадцати эонов как одухотворенных пространственно-временных континуумов, в которых обитают божества Света. В целом Свет пребывает в «покое», не ведает злого начала и свободен от какого-либо влияния материи. Тьма же абсолютно лишена духовности и «покоя». Тьма, или Мрак, имеет собственные творения, смертные и безобразные. Сама она еще и агрессивна внутри себя, в ней царят междоусобные войны. Действующая сила и персонификация Тьмы – Материя (или Грех, или Помысел Смерти). Из пяти обителей Тьмы позже сходят пять темных стихий и миры жара и холода (или огня и наслаждения).

Свет пребывает в Вышине, тогда как Тьма – в Бездне, и изначально они никак не пересекались, будучи надежно разделены Пределом. «Манихейская история» начинается с того, что Материя как сила Тьмы увидела Свет и воспылала к нему завистью, пойдя на него войной при помощи своих пяти стихий: дыма, огня, ветра, воды и тьмы. На базе миров жара и холода Материя вырастила свои воплощения – Пять Деревьев (известные нам также по гностической «Пистис Софии»), причем позже она сама же и воплотилась в плоды этих Деревьев.

В ответ Отцу Величия тоже пришлось заняться творением, вызвав первоэманации: Матерь Жизни (она же – Великий Дух) и Первого Человека, из которого позже эманировали Пять Сынов, или Стихий Света: Воздух, Огонь, Вода, Ветер и Свет, служившие Первому Человеку своего рода боевыми доспехами и щитами – получилось симметрично по отношению к материальным Пяти Деревьям. Когда же плоды Деревьев Материи упали на почву Миров Жара и Холода (или Сухого и Влажного), и появились пять разновидностей архонтов (управителей) демонов тьмы. Причем архонты дымного мира были двуногими, огненного мира – четвероногими, водного мира – плавниковыми, а темного мира – пресмыкающимися (а позже из Деревьев и демонов происходит также флора и фауна).

Все эти миры обзавелись собственными первоархонтами, или царями, победившими в междоусобных войнах прочие низшие силы и власти. Первоархонтом огненного мира был лев, ветряного мира – орел, водного мира – рыба, темного мира – дракон. В свою очередь, над четырьмя из них утвердился пятый, своего рода манихейский аналог гностического протоархонта Иалдабаофа, пятиликий властитель дымного мира с *головой льва* (что также напоминает валентинианский образ протоархонта «с мордою льва», засвидетельствованный в «Апокрифе Иоанна»), крыльями орла, туловищем дракона, лапами демонов и хвостом рыбы. Именно первоархонт дымного мира и стал главнокомандующим темных сил Материи, пошедшей войной на Свет.

Итак, Семь Царей Материи и ее Двенадцать Слуг, а за ними полчища демонов и сама Материя восстали против Света, вознесясь к Пределу Тьмы, и захватили часть пространства Света, в результате чего образовалась Смесь (у греков и коптов это *Mixis* – кстати, также гностический термин). Но сие наглое вторжение не осталось безнаказанным: Матерь Жизни и все Боги Света ввели в бой Первого Человека, облачившегося в Пять Светлых Стихий (опять же, вспомним Одеяния Света у Иисуса в гностической «Пистис Софии») и из областей Света спустившегося в Смесь и принявшего бой. В этом бою он побеждает, но не без потерь, а отдав поэтапно все свои Одеяния Света, сделав их своего рода смирительными рубашками для буйнопомешанных архонтов, задерживая продвижение последних и разрастание Смеси. Если говорить более конкретно, Воздушное Одеяние парализовало Дым, Огненное – Пожар, Ветряное – Темный Ветер, Водное – Яд (Зараженную Воду), Световое – Тьму. Но остановить продвижение противника – это хорошо, но мало, и вот Отец Величия эманурует также Духа Живого (Отца Жизни), наладившего контакт со спустившимся в Бездну Первым Человеком. Причем как Зов, так и Ответ обрели собственное одухотворенное бытие и сделались двойным божеством, с которым мы еще столкнемся.

Дух Живой на этом поле брани спасает беззащитного, в сущности, Первого Человека и возвращает его ввысь, к Свету, но с божествами последнего он всё же пока не может до конца воссоединиться, поскольку сущность его оказалась несколько загрязненной в результате вынужденного пребывания во Тьме. Да и сама Смесь пока продолжала существовать как таковая, и в ней были пленены Стихии Света (все пять). Чтобы начать исправление этой ситуации, Дух Живой и Матерь Жизни нисходят в Смесь и

структурируют ее из хаотического состояния, чтобы постепенно вызволить из этой Смеси частички Света и вернуть их в светлые области. Это и оказалось началом творения упорядоченного материального мира. Именно в этой своей части манихейская доктрина особенно наглядно посрамляет своих критиков, обвинявших ее в излишней, даже по сравнению с гностиками, «радикальности» ее дуализма: при подлинно радикальном дуализме прямое, а не крайне опосредованное (как в гностическом «Апокрифе Иоанна») участие Сил Света в такого рода творении было бы немыслимо.

Под началом Духа Живого и Матери Жизни оказались Суша, Влага и Пять Стихий Смеси. В первую очередь оба они *связали* (термин, также применявшийся к действиям над архонтами Иисуса в похожем описании из гностической «Пистис Софии») архонтов и прочих демонов, чтобы лишить их координации и силы, раскидав по разным концам мира. «Тела» архонтов послужили стройматериалом для Земли (созданной на основе сухого мира), водруженной в середине Моря (созданного на основе влажного мира). После того, как Земля была создана, над ней были сотворены Десять Твердей, где оказались связаны уже не сами архонты и демоны, но их «души». Как своего рода буфер между Десятью Твердями и Землёй, Дух Живой творит Колесо Звёзд (Сферу, или Зодиак), в которой связаны кругообращением души архонтов, излучающие при этом свет обрывков тех самых Одежаний (Стихий) Первого Человека, о которых шла речь в начале этого описания. Управители, такие как Цари Пяти Миров Тьмы, воплотились, в свою очередь, в Пять Планет, в Двух Восходящих (т.е. в подобия Солнца и Луны) и в двенадцать зодиакальных Созвездий. Как и принято в любых астрологических построениях, все эти воплощенные в Зодиаке (а здесь и в Восходящих) сущности не были полностью лишены власти, но напротив, более или менее активно влияли на земные процессы, а Планеты еще и имели возможность передвигаться по Сфере.

Дух Живой облекается Тремя Одежаниями Стихий – Ветром, Водой и Светом, после чего он совлекает с себя все три Одежания и творит из них Три Сосуда (Стока) для Темных Стихий: Ветра, Воды и Тьмы. По этим Сосудам они и спустились в Бездну, перед тем будучи омытыми Духом Живым. Но речь идет, как мы видим, о трех Стихиях, но не о пяти. Остальные две – Воздух и Огонь – «заняты» иным. Воздух наполняет, очищаясь при восхождении, промежуточные области между Землей и Твердями, тогда как Огонь окружает Мир.

Затем Дух Живой спускает Осадок от омовения стоков в море, почему морская вода и является донине жгучей, соленой и горькой. При этом Воздух и Ветер восходят, тогда как Осадок, имеющий вид Дыма и Темного Ветра, напротив, нисходит. С течением времени из Осадка появляется Морской Гигант, с того времени и плавающий в море, пребывая под неусыпным взором Планет и Знаков Зодиака, причем и Планеты, и Знаки отражаются в нем. Кроме того, воздвигнуты Три Колеса – Колесо Ветра, Колесо Воды и Колесо Огня, именно с помощью этих Колес данные Стихии и возносятся в высшие области. Дух Живой окружает Землю «стеной воды» (т.е. морем), «стеной огня» и «стеной тьмы». В результате Осадок Воды оказывается в море, Осадок Огня – в вулканах, Осадок Тьмы – в высоких горах. Впрочем, пребывание Осадков темных стихий в материальном мире оказалось также не вечным: сами Стихии, пройдя через стадии очищения, избавляются от них, и Осадки низвергаются в ад (геенну).

Именно таким образом и был создан ныне видимый нами физически реальный мир, получивший в манихейской доктрине также наименование Пояс (Мир Пояса). Сторожить его Дух Живой поручил пяти собственным эманациям, или Сыновьям. Так, Светоносцу (кстати, в латинском прочтении – Люциферу), или Светодержцу, или Великому Строителю, он вверил все Тверди, Царю Чести – Седьмую Твердь и наблюдение за

вознесением Света; Адаманту Света – Архонтов Материи, Царю Славы – обращение Трех Колес Стихий, Омофору – удержание Земли и Тверди. Упомянутый только что Великий Строитель воздвигает одухотворенный новый эон как будущее вместилище Очищенного Света. Всем пятерым Сынам Духа Живого приданы в услужение ангельские сущности.

После этого Отец Величия ниспосылает еще одно исхождение – Третьего Посланника, в качестве приемщика света, восходящего из Мира ввысь. Третий Посланник снизошел к плененному свету, чтобы побудить его вознестись, однако его облик узрел не только плененный Материей свет – его увидели и сама Материя, и все ее слуги. Всех их обуяла зависть к красе Третьего Посланника и они задумали породить аналогичную сущность в качестве божества, светоча и щита. Материя на некоторое время вознеслась, чтобы нагнать Третьего Посланника, но упала вниз. Причем это ее падение также не осталось без последствия: та ее доля, которая упала на Влагу, дала еще одно порождение (побежденное впоследствии Адамантом Света). Остаток упавшей материи вновь породил Дерево с собственными плодами, из которых, в свой черед, появились архонты-мужчины и архонты-женщины.

Они попытались в сексуальном соитии родить великолепных и светоносных потомков по образу и подобию Третьего Посланника, но сумели родить лишь Выкидышей. Эти порождения – в союзе с архонтами – начали вредить благим силам, заняв область ниже Стражей Адаманта Света, и прекратили восхождение в высшие области воды, ветра и огня. Самый сильный из этих Выкидышей, Сакла (или Сакляс, он же, в ряде гностических валентинианских текстов, таких как «Апокриф Иоанна» или «Пистис София», – протоархонт Иалдабаоф), аккумулирует несущее свет семя, отобранное у прочих Выкидышей, и вместе со своей любовницей порождает первых людей, Адама и Еву, наделяя их этим светом, которого, впрочем, первым людям было явно недостаточно: поначалу они не ведали собственной светлой души. После этого Сакла совершает акт инцеста с Евой, порождая Каина и Авеля (похожая история описана в «Апокрифе Иоанна», где партнершей по инцесту выступает София – и это явно является злой гностической пародией над библейскими историями кровосмесительства).

В ответ на это Отец Величия порождает Иисуса-Сияние и Деву Света (которую мы также можем видеть в гностической «Пистис Софии»). Иисус-Сияние нисходит к Стражам Адаманта Света, подавляет бунт Выкидышей и архонтов и вновь делает возможным вознесение трех Светлых Стихий. После этого Иисус-Сияние нисходит к первым людям, в обителях которых он временно *перевоплощается в Еву (!)* и в этом облики наставляет Адама о божественной природе его души и способе спасти ее. Выполнив эту важную миссию, Иисус-Сияние покидает землю, возвращаясь к Свету.

Происходит сотворение новых жилищ для Иисуса-Сияния и Девы Света соответственно: Солнца (из светлой огненной стихии) и Луны (из светлой водной) как двух Кораблей Света. Они служат своего рода магнитом и чистилищем для возносящихся человеческих душ. При этом Дева Света отбирает у архонтов ранее похищенный ими свет (в двойном образе Иисуса-Сияния и Девы Света легко узнаются гностические образы Иисуса и Софии и даже космологизированные гностические образы «земных» Иисуса Христоса и Марии Магдалины). Тем временем, первые люди, Адам и Ева (уже настоящая) рожают сына Сифа, которому, когда он подрастет, Адам поведаст откровение «Евы» (на самом деле, Иисуса-Сияния). Полученное Сифом откровение не проходит даром, он становится праотцом целого колена праведных сущностей, последним из которых был сам Мар Мани Хайя.

При этом у каждой из этих сущностей был еще и собственный Двойник – просветитель и наставник во Гнозисе. В каждом конкретном случае эти Двойники (своего рода ангелы-хранители) были либо эманациями Иисуса-Сияния, либо порожденного последним Разума Света. Каждый такой праведник, руководствуясь тем, что ему поведал его собственный Двойник, излагает услышанное уже в собственных книгах и учреждает истинную церковь. Проблема заключается в том, что каждая такая церковь, в конце концов, неизбежно приходит в упадок или даже гибнет. Тогда на земле появляется другой посланник, реанимируя истинную веру и экклезию в новом, соответствующем духу времени и места, облики.

Истинно верующий манихей, согласно доктрине, обязан не наносить какого-либо урона свету и жизни, распыленным в материи, и искусственно не удлинять их земное существование, и только тогда душа манихея сможет посмертно вознестись к Свету. «Технически» такое вознесение становится возможным благодаря тому, что Разум Света, эманировавший из Иисуса-Сияния, входит в душу истинно верующего, дарует ей Гнозис Света, а после посмертного выхода ее из тела подталкивает к вознесению. Последовательность же восхождения души такова: в воздухе ее приемщиком становится Столп Славы (Совершенный Человек), по которому она восходит к Луне, где и завершается ее очищение от материального. В этой связи любопытно следующее: согласно манихейской доктрине, фазы Луны в принципе возможны именно потому, что от новолуния к полнолунию Луна принимает у себя души праведников, а от полнолуния обратно к новолунию эти души покидают Луну, возносясь к Солнцу. Этот путь восхождения касается только людей, у прочих частиц Света (в совокупности именуемых Душой Живой) иные пути вознесения к Свету.

Однако Материя продолжает удерживать человеческую душу в областях Тьмы, прибегая к помощи 12 Духов Обманчивых (один из них, греч. *Antimimon Pneuma*, а возможно, и все они, но под условной личиной этого одного, описаны также в гностической «Пистис Софии»), каждый из которых нисходит из собственного Знака Зодиака. Таким образом, согласно доктрине Мани, в Зодиаке нет ни одного «позитивного» знака, в то время как привычная нам астрология, выросшая из недуалистических доктрин, говорит как о позитивных, так и о негативных «влияниях звезд». И вот, эти Духи учат людей пяти видам лжеучений как искажений подлинной веры, возникших в пяти мирах Тьмы. Люди, которые оказались бессильными достичь Гнозиса и свободы от греха, посмертно вновь рождаются в новом физическом теле или где-либо еще в мире Материи (таким образом, очевидно, что, как и многие их предтечи-гностики, манихеи верили в реинкарнации).

После нескольких реинкарнаций такого рода души всё же возносятся, поскольку эти перерождения в доктрине рассматриваются как более медленный, но, тем не менее, способ очищения. Но есть и такие, которые отправляются в ад, не сумев изжить в себе грех (точнее, *не захотев* этого сделать). Им уготованы места в аду до конца существования мира сего. Здесь, в этом троичном делении, мы имеем прямое влияние гностических доктрин о трех типах людей: пневматиках, психиках и гиликах (духовных, душевных и плотских). Получается, что вся манихейская история – это хроника освобождения Света из Смеси и его вознесения обратно ввысь.

Но целостности частиц света мешает такое обстоятельство, как физическое размножение людей (налицо прямая полемика с Моисеем). В результате этого «демографического кризиса наоборот» света в мире становится всё меньше и начинается большая война, в которой, также как и ранее на метафизическом уровне (см. выше), промежуточную победу одерживают силы зла и греха. И вот тут-то ранее упомянутые божества Зов и Ответ, сделавшись двуединым Помыслом Жизни, аккумулируют оставшийся свет (Последний

Слепок) и возносят его, после чего в Мир, полностью лишившийся частиц Света, ниспосылается Великий Огонь, в котором Мир будет гореть в течение 1468 лет, пока не сгорит полностью.

И вот тогда боги манихейского пантеона свершат, наконец, свой суд. Праведные вознесутся в промежуточный новый эон, пребывание в котором они разделят с самими богами. Проведя в новом эоне время, равное сроку заточения богов в Смеси, там они за долгое время забудут прежнее свое страдание и воссоединятся с Чистым Светом, не познавшим пребывания в Смеси. Души грешников составят Шар, в котором окажется в заточении вся мужская часть Тьмы (вот здесь уже явные отголоски [шумерских](#) представлений о том, что люди посмертно будут вне тел заключены в некоем подпространстве, где они будут вечно наблюдать за живыми, но никак не смогут влиять на их мир и вообще что-либо делать, только у манихеев речь подчеркнута идет о большой избирательности такого сценария). Женская же часть Тьмы будет сброшена в могилу (как говорится, сексизм detected). А чтобы эти конченные грешники больше не смогли составить единую силу, воюющую со Светом, между Шаром и Могилкой (Ямой) будет положен Камень.

Как уже вскользь упоминалось выше, согласно Мани, существует изначальная, истинная вера, возведенная божеством первому из людей. Периодически эта истинная вера искажается ложными толкованиями. Именно так, по манихейскому истолкованию истории, и возникали все известные и по сию пору религии: иудаизм, буддизм, зороастризм, христианство. Для ликвидации последствий этого искажения свыше ниспосылается новый пророк, чтобы восстановить первоначальную истинную религию и вновь основать истинную Церковь.

Манихейская доктрина при подробном рассмотрении оказывается на удивление целостной и непротиворечивой. В учении Мани выявлены самые разнородные элементы: гностико-христианские, зороастрийские, митраистские, буддийские, а также мотивы древних вавилонских верований. Если гностические представления Мани, очевидно, имели свои первоисточники в воззрениях элхаситов, в общине которых он находился 20 лет, а впоследствии, будучи человеком чрезвычайно любознательным и постоянно занимавшимся самообразованием, он совершенствовал свои представления о Гнозисе уже исходя из доступных ему сугубо гностических текстов (христианских и [мандейских](#)), содержание которых отличалось от иудео-христианства элхаситов, то, например, астрологические построения как его, так и его учеников, основывались на позднеантичных греческих и средневосточных представлениях.

В завершение нашего сегодняшнего рассказа о Мани (и сегодняшней лекции вообще), подчеркну еще раз, что расхожее в ортодоксально-христианской среде представление о том, что манихейство – это синкретическая религия, в которой присутствуют лишь *элементы* христианства, представляется в корне неверной. Достаточно обратить внимание на то, что ни буддисты, ни индуисты, ни зороастрийцы, ни кто бы то ни было еще, не считают Мани одним из пророков и популяризаторов своих учений, тогда как мы, гностики, всегда считали его не просто своим, но исторически – самым результативным из всех гностических Учителей.

Благодарю вас.

Использованная литература:

1. Алексеев Дм. Античное христианство и гностицизм // Евангелие Истины. Двенадцать переводов христианских гностических писаний. – Ростов н/Д: Феникс, 2008.
2. Алексеев Дм. Демиург и Ялдаваоф: ошибочное отождествление // Пути гнозиса: мистико-эзотерические традиции и гностическое мировоззрение от древности до наших дней. Сб. материалов международного научного симпозиума (10–13 апреля 2013 г., Москва) / Отв. ред. С.В. Пахомов. – СПб.: РХГА, 2014, стр. 62–69.
3. Алексеев Дм. Определение гностицизма. Выступление на Международной научной конференции «Раннехристианский гностический текст в российской культуре» во ВГБИЛ им. М.И. Рудомино. – Москва, 21.01.2011 г. (аудиозапись из личного архива А. Момы; письменная электронная версия: <https://www.thelema.ru/library/alekseev>).
4. Афонасин Е.В. Гносис. Фрагменты и свидетельства. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского Университета, 2008.
5. Афонасин Е.В. Школа Валентина. Фрагменты и свидетельства. – СПб.: Алетейя, 2002.
6. Бардесан: ученый, философ и поэт // Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в Средние века. – М: Наука, 1979. – (Серия «Культура народов Востока»).
7. Блаватская Е.П. Разоблаченная Изиды. Т. 2. – М: Российское Теософское Общество, 1992.
8. Вера Премудрость (Pistis Sophia) // Премудрость Иисуса Христа: Апокрифические беседы Иисуса Христа с учениками / Пер., вступ. ст., коммент. А.И. Еланской. – СПб.: Алетейя, 2004. – (Библиотека журнала «Христианский Восток»).
9. Кроули А. Ecclesia Gnostica Catholica. Гностическая Католическая Церковь. Тайное тайных Телемы / Алистер Кроули. Вступит. статьи Sr. I.C., Fr. Marsyas. – М.: Изд-во «Ганга», Творческая группа «Телема», 2008. – («Магия и мистика Телемы»).
10. Егоренков И.С. «Обличение всех ересей» Ипполита Римского как источник по истории раннего христианства (Диссертация на соискание ученой степени к.и.н.) / И.С. Егоренков. Науч. рук. – д.и.н., проф. И.С. Гребцова. На правах рукописи. – Одесса, 2010.
11. Ириней Лионский. Обличение и опровержение лжеименного знания (Против ересей) // Сочинения св. Иринейя, епископа Лионского / Рус. пер. прот. П. Преображенского. – СПб.: Издание 2-е, книгопродавец И.Л. Тузова, Гостиный Двор, №45, 1900.
12. Кефалайя («Главы»). Коптский манихейский трактат / Пер., иссл., комм., глоссарий и указатель Е. Б. Смагиной. – М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – (Памятники письменности Востока. СХV).
13. Николаев Юрий [Данзас Юлия]. В поисках Божества. Очерки из истории гностицизма. – Киев: София, 1995 [репринт].
14. Пантелеев А.Д. В поисках «исторического Валентина» // ΑΚΑΔΗΜΕΙΑ. Материалы и исследования по истории платонизма. Межвузовский сборник. Выпуск 4 / Под ред. А.В. Цыба. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского Университета, 2003.

15. Тертуллиан. Против валентиниан // Творения Тертуллиана, христианского писателя в конце второго и в начале третьего века / Пер. с лат. Е. Карнеева. – Ч. 4. – СПб., 1850.
16. Трофимова М.К. Гностические апокрифы из Наг-Хаммади // Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма; Редкол.: А.Ф. Окулов (пред.) и др. – М.: Мысль, 1989.
17. Хосроев А.Л. История манихейства. Прологомены. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – (Серия «Азиатика»).
18. Bainton R. Basilidian Chronology and New Testament Interpretation // *Journal of Biblical Literature*, Vol. 42, No. 1/2 (1923), pp. 81–134.
19. Baur F. Ch. *Lehrbuch der christlichen Dogmengeschichte*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968.
20. Bos A. Basilides as an Aristotelianizing Gnostic // *Vigiliae Christianae*. Vol. 54, No. 1 (2000), pp. 44–60.
21. Casey R. Two Notes on Valentinian Theology // *The Harvard Theological Review*, Vol. 23, No. 4 (Oct., 1930), pp. 275–298.
22. Newbold Wm R. Bardaisan and the Odes of Solomon // *Journal of Biblical Literature*, Vol. 30, No. 2 (1911), pp. 161–204.
23. Robinson J. Jesus from Easter to Valentinus (Or to the Apostles' Creed) // *Journal of Biblical Literature*, Vol. 101, No. 1, (Mar., 1982), pp. 5–37.
24. Whittaker J. Basilides on the Ineffability of God // *The Harvard Theological Review*, Vol. 62, No. 3 (Jul., 1969), pp. 367–371.